

«Я всегда целюсь в неведомое»

В Центральном доме кинематографистов прошла премьера фильма Константина Худякова «На Верхней Масловке» по повести Дины Рубиной, главную роль в котором исполнила Алиса Фрейндлих. Главная героиня повести и фильма — глубокая старуха Анна Борисовна, скульптор, ровесница века. В молодости она пила кофе в парижских кафе вместе с Амедео Модильяни, а в конце восьмидесятых, когда происходит действие картины, доживает свой век в неуютной мастерской-квартире. Приютив у себя закомплексованного и неуспешного Пегю, по профессии театрального режиссера, в три раза ее моложе. Корреспондент «Известий» **Дмитрий Савельев** встретился с Алисой Фрейндлих после премьеры.

ИЗВЕСТИЯ: Алиса Бруновна, для вас возрастные роли, если я ничего не путаю, совсем не новость. Вы с них начинали — еще до Театра Ленсовета, даже Комиссаржевки — в театральном институте. Это так?

АЛИСА ФРЕЙНДЛИХ: Это так, вы ничего не путаете, наоборот, все хорошо знаете. Даже сбили меня — я только приготовилась вам сказать, что ролью Анны Борисовны закольцевала свою актерскую судьбу.

ИЗВЕСТИЯ: Думаю, мысль о кольце — явно преждевременная.

ФРЕЙНДЛИХ: Хорошо. Я действительно начинала со старушек, причем еще в драматическом кружке. Играла Феклушу и сумасшедшую барыню в «Грозе». Ну а потом, в институте, среди моих дипломных работ тоже были старушки: Татьяна-скотница из «Осенней скуки» по Некрасову и Зобунова из «Егора Булычова и других». Так что был у меня такой опыт. Но потом я вернулась к девочкам и долго-долго с ними не расставалась.

ИЗВЕСТИЯ: А как же Селия Пичем в «Трехгрошовой опере», Катерина Ивановна в «Преступлении и наказании»?

ФРЕЙНДЛИХ: Это да. Но они были все-таки не старушки. Хотя и постарше меня — в ту пору. Скажем так: дамы среднего возрастного регистра.

ИЗВЕСТИЯ: Все же театр предполагает другую меру условности, чем кино с его крупными планами и экраном во всю ширь. Неужели у вас не было такого простого, такого понятного женского страха — играть женщину в два раза старше себя?

ФРЕЙНДЛИХ: Ну, в два раза — это комплимент.

ИЗВЕСТИЯ: Тогда в три.

ФРЕЙНДЛИХ: Я так и думала, что вы мне обязательно сделаете комплимент в таком роде, чтоб я легче себя чувствовала в разговоре. → **СТР. 14.**

«Я всегда целюсь в неведомое»

ФРЕЙНДЛИХ: Конечно, мне было страшно. Но только в том плане, что казалось: нет, не получится. А потом, взявшись за роль, я вспомнила все свои «старушечьи» ужимки. Знаете, как говорят педагоги в театральных институтах: характерность — это точка зажима. Так вот, я все точки зажима, которые нужны, чтобы изобразить древнюю старуху, вспомнила, и удовольствие мне это доставило чрезвычайное. Всегда приятно нырять в неведомое.

ИЗВЕСТИЯ: При том что опасно?

ФРЕЙНДЛИХ: Пускай. Видите ли, я Стрелец по гороскопу, я всегда целюсь в неведомое, для меня это отдельная радость. В Стрельцах силен авантюризм, а эта роль — своего рода авантюра, и я пошла на нее с радостью. Другое дело, что потом пришлось хорошенько над собой поработать, чтобы вернуться в прежнее физическое состояние. Кажется, выпрямить спину до конца мне так и не удалось. Все-таки ходить

ФОТО: INTERPRESS

Я бы предпочла полную умиротворенность, но жизнь диктует свои ритмы, и им приходится соответствовать, а сил все меньше. Театр учит их экономить: резервуар, из которого человек черпает силы, один на все и про все

два месяца скрюченной непросто — с этой точкой зажима расставаться было очень тяжело. Физически тяжело — в прямом смысле.

ИЗВЕСТИЯ: Играя злую, ищи, где она добрая: этот постулат всем известен. А играя глубокую старуху — ищи, где она молода?

ФРЕЙНДЛИХ: Ну, наверное, да. В сценарии и в повести у Дины Рубиной было достаточно посылок к тому, чтобы играть эту героиню как женщину, молодую душой. Именно эта несинхронность и составляет драматизм характера: душа еще готова петь-плясать, и радоваться жизни, и влюбляться, а оболочка уже многое не позволяет. Но тут на помощь приходит чувство юмора — уж что-то, а это чувство у моей героини представлено в полной мере.

ИЗВЕСТИЯ: И хулиганка в ней есть, и шкода. Ей нельзя сладкое, а она тайком конфеты таскает.

ФРЕЙНДЛИХ: Да, мы придумывали ей разные шалости, искали в ней детское. Даже непонятно: то ли это остаточные явления молодости, то ли она уже в детство впадает. И то и другое нам годилось.

ИЗВЕСТИЯ: Как вы думаете, кто на самом деле по внутреннему самоощущению моложе: ваша старуха или тридцатилетний Петя, герой Евгения Миронова?

ФРЕЙНДЛИХ: Думаю, она, пожалуй, моложе. Разочарования, которые он за свою жизнь испытал многократно, очень его состарили. Мне кажется, что миссия моей Анны Борисовны как раз и состояла в том, чтобы все время выколачивать из него старческую пыль. Звать его, звать, звать куда-то.

ИЗВЕСТИЯ: Соглашаясь на роль, вы уже знали, что вашим партнером будет Евгений Миронов?

ФРЕЙНДЛИХ: Знала. Константин Павлович сказал мне об этом, и это был для меня серьезный повод согласиться. Не говоря уже о том, что с самим Константином Павловичем мы в свое время очень славно поработали в «Успехе» — мне нравится этот фильм и роль нравится.

ИЗВЕСТИЯ: Хороший режиссер Худяков еще и хитрец. Вам он обещал Миронова, а ему — Фрейндлих.

ФРЕЙНДЛИХ: Женечка Миронов для меня был очень притягательным магнитом. А когда я узнала его как личность и увидела как актера в работе, мои впечатления о нем усилились многократно. Он совершенно замечательный.

ИЗВЕСТИЯ: Женя говорил, что ваши добрые отношения продолжились из совместной работы в жизнь. Рассказывал, что на вашем юбилее он сидел рядом с вами — на правах сына и наравне с вашей дочкой Варей.

ФРЕЙНДЛИХ: Да-да, так и было.

ИЗВЕСТИЯ: У вас редко бывает, чтобы отношения с партнерами продолжились в жизнь? Миронов сказал, что у него редко.

ФРЕЙНДЛИХ: А у меня, пожалуй, часто. Я всех своих партнеров — ну, девяносто процентов из них, то есть за очень малым исключением, — нежно люблю. И после работы с ними возникают такие родственные чувства, что со многими из них я продолжаю дружить за пределами фильма, даже если потом мы вместе не снимаемся и на сцене не играем.

ИЗВЕСТИЯ: У них наверняка схожие чувства рождаются к вам.

ФРЕЙНДЛИХ: Очень хотела бы на это надеяться.

ИЗВЕСТИЯ: Если согласиться с тем, что весь мир все же не кино, а театр, как бы вы определили тот жанр, в котором протекает ваша жизнь?

ФРЕЙНДЛИХ: Я думаю, многим жанрам нашлось место в моей долгой жизни — и комедия была, и трагедия, и фарс, и мелодрама. А сейчас... Мне легче нынешнее мое состояние объяснить при помощи музыкальных понятий: внешняя жизнь развивается в нервных формах стаккато, а внутренняя, наоборот, похожа на умиротворенное легато. Вам понятно такое сравнение?

ИЗВЕСТИЯ: Музыкальной грамоте, откровенно говоря, не обучен, но предполагаю, что вы имеете в виду конфликт одного с другим. Уютно вам во власти такого противоречия?

ФРЕЙНДЛИХ: Нет, неудобно. Я бы предпочла полную умиротворенность, но жизнь диктует свои ритмы, и им приходится соответствовать, а сил все меньше. Театр учит их экономить: резервуар, из которого человек черпает силы, один на все и про все. Если ты чрезмерно щедро расходуешь себя на приватную жизнь, излишне пылко ее проживаешь, то потом на сцене остается только ложечкой выскребать остатки, и выходит все очень бедненько. И наоборот.

ИЗВЕСТИЯ: Иными словами: терпение мое кончилось, и надо бы закатить скандал, но воздержусь, потому что сегодня у меня «Макбет»?

ФРЕЙНДЛИХ: Ну, примерно так. Или, напротив, как раз устроить скандал, громко возмутиться — по той же причине.

ИЗВЕСТИЯ: Знаете, что чрезвычайно возмутило меня однажды? Сцена в Ленинграде на Московском вокзале. Вижу: стоит Алиса Фрейндлих на перроне, неприметная такая, встречает кого-то, а ее решительно никто не узнает, напирают, толкают баулами.

ФРЕЙНДЛИХ: Ну, так что ж? Люди озабочены, на поезд опаздывают, им не до того. С моей стороны это было бы чистым безумием — думать, что весь мир состоит сплошь из театралов и киноманов.